

Чи Чжао провел кончиками пальцев по ледяным каплям воды на каменной стене. Ощущение было липким, пропитанным могильным холодом и запахом глубокого тления, присущим лишь подземным недрам. В самый нижний ярус темницы императорского дворца государства Цинъюэ не отваживался заглядывать даже самый отчаянный тюремщик, и лишь монотонный звук капли упрямо отдавался эхом в мертвой тишине, словно сердцебиение некоего злобного существа.

Воздух здесь был густым, как застывший жир, пропитанный смрадом крови, нечистот и еще более глубоким, тошнотворным запахом гнили. Это был уголок, забытый солнечным светом, гнойная язва, скрытая за парадным занавесом, которым власть имущие прикрывали свое благополучие.

Перед ним, подобно куску рваного мяса, на тяжелых цепях висел человек, некогда полный амбиций и жаждущий заполучить трон Цинъюэ. Его обрывки парчового халата пропитались запекшейся темно-красной кровью и грязью, а обнаженная кожа была испещрена страшными следами от кнута и черными ожогами от клейма. Некоторые раны доходили до самой кости, из других сочилась мутная сукровица. Каждый слабый вдох заставлял его тело содрогаться в муках, вызывая непроизвольные стоны боли.

Чи Чжао слегка склонил голову. Мертвенно-бледный свет лунного камня скупно очертил контур его профиля. В этой внешности было что-то запредельное, почти демоническое, а кожа в полумраке казалась холодным нефритом высшей пробы. Длинные черные волосы не были собраны и небрежно рассыпались по плечам, несколько прядей скользнули вниз, лаская изящный изгиб его подбородка. Он был одет в простой, но необычайно мягкий халат светлого тона, широкие рукава которого скрывали сейчас медленно поднимающиеся руки.

Его пальцы, белые и прозрачные, как нефрит, казались неуместными в этой грязной, кровавой темнице. Стоило ему поднять руку, как в воздухе раздался едва уловимый, заставляющий кожу покрыться мурашками шорох, словно тысячи крошечных ядовитых змей ползли по сухой листве. Тени на полу зашевелились, и несколько темно-зеленых, почти черных лиан, словно живые существа, вырвались из влажных щелей в камне. Покрытые холодной слизью, они бесшумно обвилились вокруг шеи, рук и пояса узника, сжимаясь все сильнее.

Поверхность лиан была усеяна множеством крошечных, постоянно размыкающихся и смыкающихся присосок, каждая из которых жадно высасывала жизненную силу из того, к чему прикасалась. Узник резко распахнул налитые кровью глаза, из его горла вырвался хриплый свистящий звук. Тело забило в конвульсиях от нестерпимой боли и первобытного ужаса, заставляя цепи греметь.

— Угх... а-а... — мужчина тщетно пытался вырваться, вперив мутный взгляд в Чи Чжао. В его глазах читалось полное отчаяние. — Ваше... Ваше Высочество... пощадите... я... я все скажу... умоляю...

Уголки губ Чи Чжао медленно поползли вверх. Эта улыбка, расцветшая в тусклом свете, не несла в себе ни капли тепла, лишь чистое, леденящее душу демоническое изящество, словно сама тьма превратилась в самый обольстительный цветок.

— Пощады? — его голос прозвучал тихо, с ленивой хрипотцой, напоминающей шепот любовника, но от этого звука зрачки узника сузились до размеров игольного ушка. — Я ведь так добросердечна и не выношу этого шума.

Как только последний слог сорвался с его губ, призрачная жалость в глубине его глаз мгновенно замерзла, превратившись в вечный лед, оставив лишь чистое, удушающее злорадство.

Лиана, обвивавшая шею узника, внезапно вспыхнула ослепительным ядовито-зеленым светом. Присоски бешено задвигались, словно голодный демон, тысячелетиями ждавший добычу, впился в живую плоть и резко сжался!

В тот самый миг, когда смертельная хватка была готова прервать жизнь и раздавить душу —

— Врожденная магия обольщения, но при этом практикуешь столь ядовитые и порочные темные искусства.

Голос прозвучал без предупреждения, подобно трению вековых льдов на Крайнем Севере — холодный, твердый, пронизанный равнодушием существа, взирающего на суету мира свысока. Он пронзил влажный воздух темницы и вонзился прямо в уши Чи Чжао. Звук не был оглушительным, но подействовал как невидимая ледяная игла, точно поразив узел силы, питавшей лиану. Бешено сжимающееся растение замерло, ядовито-зеленое свечение погасло, словно его придушили невидимой рукой. На шее узника остался лишь багровый след от удушья, из которого сочились капли крови, а сам он окончательно лишился чувств.

Демоническая улыбка вмиг исчезла с лица Чи Чжао. Так быстро, словно этой маски, дурманящей души, никогда и не было. На смену ей пришла идеально выверенная бледность, полная испуга и хрупкости. Он качнулся, словно от неожиданного звука потеряв равновесие, и его белая рука инстинктивно вцепилась в холодную влажную стену, пальцы слегка задрожали. Он быстро опустил голову, густые ресницы отбросили на лицо тень, вызывающую жалость. Когда же он снова поднял взгляд, в его глазах стояли слезы, как у испуганного олененка — беспомощные и жалкие.

— Кто... кто здесь? — его голос стал тонким, дрожащим, с ноткой испуганного дыхания, словно это был совсем другой человек. Он робко взглянул в глубину теней, откуда донесся голос, будто там скрывался зверь, готовый растерзать его.

Тени беззвучно заструились и сгустились. Из темноты медленно вышел человек, каждый шаг которого, казалось, сокрушал гнетущую тишину темницы. Пришелец был высок и статен, облачен в черное одеяние из необычной ткани, края которого и манжеты переливались сложными серебристыми узорами, напоминавшими застывший жидкий лунный свет. Эти узоры мерцали при каждом движении, словно звезды в бездне, отделяя его от этой грязной тюрьмы. Его лицо было поразительно молодым, но в нем не было ни капли ребячества; черты лица — глубокие и холодные, словно выточенные богами из самого твердого нефрита. Его глаза были угольно-черными, бездонными, лишенными каких-либо человеческих эмоций — лишь пустота,

взирающая на все сущее с полным безразличием. От него исходило невидимое давление, более сильное, чем холод этих подземелий, отчего воздух, казалось, застыл и оцепенел.

— Господин... господин Лин Му? — в голосе Чи Чжао смешались идеально выверенное удивление и едва уловимый страх. Он еще сильнее вцепился в стену, отчего его пальцы побелели. — Вы... вы столь благородны, как могли снизойти до этого грязного и мерзкого места? Если я осквернила ваш взор, Чжао-эр... Чжао-эр вовек не искупит своей вины... — он слегка опустил голову, обнажая тонкую хрупкую шею, приняв позу смирения и трепета.

Лин Му не ответил. Его бездонные черные глаза, словно совершенный магический артефакт, без тени волнения скользнули по щеке Чи Чжао, испачканной каплями крови — брызгами, оставшимися от недавнего рывка лианы. На этой неестественно бледной коже кровь выглядела вызывающе ярко. Затем его взгляд опустился на руки Чи Чжао, испачканные влажным мхом и грязью.

Он медленно подошел ближе, и звук его шагов в мертвой тишине темницы отдавался подобно ударам барабана, бьющим прямо в сердце Чи Чжао. С каждым сокращением дистанции невидимое давление становилось все тяжелее, проникая сквозь кожу, словно ледяная вода.

Чи Чжао почувствовал приближение ледяного дыхания и на мгновение непроизвольно напрягся, но тут же заставил себя расслабиться, сохраняя вид слабого и беспомощного создания, а его ресницы задрожали еще сильнее.

Лин Му остановился перед ним. Расстояние между ними было настолько малым, что они могли чувствовать дыхание друг друга — с одной стороны исходила ледяная, кровавая аура зла, с другой — возвышенная, пронизывающая холодность. Он медленно поднял руку — длинную, совершенную, с четко очерченными суставами, но обладающую нечеловеческой, нефритовой фактурой. Холодные кончики пальцев без предупреждения и очень медленно коснулись пятнышка крови на щеке Чи Чжао.

Тело Чи Чжао резко дернулось! Прикосновение этих пальцев было в тысячи раз холоднее, чем влага на стенах, казалось, оно могло заморозить саму душу. Невыразимая, инстинктивная дрожь пробежала по позвоночнику, заставляя его едва ли не рефлекторно отпрянуть или нанести удар. Он до крови закусил внутреннюю сторону щеки, подавляя в себе любой порыв к сопротивлению, и позволил ледяным пальцам скользить по своей коже. Он даже слегка повернул голову, чтобы щека послушнее прижалась к холодному прикосновению, словно испуганный кот, ищущий утешения.

Кончики пальцев Лин Му задержались на пятнышке крови, холод его подушечек, казалось, проникал под кожу Чи Чжао. Его глубокие черные глаза по-прежнему не выражали ничего, он лишь сосредоточенно наблюдал за тем, как его пальцы скользят по лицу Чи Чжао, словно изучая диковинный и хрупкий предмет искусства.

Затем он заговорил. Его голос был низким и ровным, но каждое слово вонзалось в глубины сознания Чи Чжао, как ледяная игла, неся в себе безоговорочный, подобный закону приговор:

— Ты теперь моя.

Как только слова затихли, холодные пальцы оставили на коже Чи Чжао последний ледящий след. Фигура Лин Му, словно капля туши, упавшая в воду, беззвучно и бесследно растворилась, исчезла с того места, где он стоял. Ни искажения света, ни колебания пространства — словно его здесь никогда и не было, а все произошедшее — лишь ледяная галлюцинация, порожденная этой грязной темницей.

Лишь едва уловимый аромат ледяной стужи, оставшийся в воздухе, да холод, пронизывающий до самых костей в том месте, где его коснулись пальцы Лин Му, доказывали реальность этого короткого и смертельного столкновения.

Мертвая тишина вновь окутала нижний ярус тюрьмы. Осталось лишь тихое шуршание лианы, которая, лишившись силы хозяина, медленно втягивалась обратно в щели, да едва уловимое, почти отсутствующее дыхание подвешенного на цепях узника.

Рука Чи Чжао, все еще опиравшаяся на стену, медленно сжималась. Суставы пальцев тихо хрустнули, твердые кусочки камня под его ногтями раскрошились и посыпались вниз. Он опустил голову, рассыпанные волосы скрыли его лицо, обнажив лишь напряженную линию подбородка. Маска слабости, испуга и жалости окончательно треснула и осыпалась, обнажив холодную, твердую суть.

Спустя несколько мгновений он медленно поднял голову.

Мертвенно-бледный свет лунного камня вновь упал на его лицо. Пятнышко крови на щеке, к которому прикасался Лин Му, теперь походило на демоническую родинку. Чи Чжао высунул кончик языка и не вытер, а, с каким-то извращенным удовольствием, медленно и тщательно слизнул эту солоноватую, чуть пахнущую железом темно-красную каплю. Алый язык на фоне бледной кожи создавал потрясающий контраст.

Когда след крови окончательно исчез, он слегка прищурился. Его глаза, в которых еще мгновение назад стояли слезы, теперь превратились в бездонные ледяные омуты. Вся фальшь и хрупкость сгорели, оставив лишь чистое, обжигающее возбуждение и опасный блеск, разожженный встречей с сильной добычей.

Словно ядовитая змея, притаившаяся в тени бездны, он наконец-то нацелился на свою самую желанную жертву.

Тихий, пропитанный сладковатым ядом шепот разнесся в застоявшемся грязном воздухе, прозвучав как декларация:

— Ха... игра началась, Лин Му.

<http://bllate.org/book/18948/1857275>